

А.А. ГРИЦАНОВ

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ОСМЫСЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПАРАДИГМ

Непреходящая актуальность задач, последовательно разрешаемых социогуманитарными дисциплинами в области осмысления и разработки категориально-понятийных рядов, предназначенных для описания социальной реальности, обусловлена рядом разнообразных обстоятельств. Часть из них следует из специфики социального познания и организации социального знания как такового, часть же — выступает продуктом сложившейся системы формирования общественных дисциплин на постсоветском пространстве, реализуя неизбежное влияние на науку и ее учреждения со стороны разнообразных внешних факторов культурного, идеологического и институционального порядка.

1. Цель социальных наук традиционно представляется как достижение определенным образом упорядоченной, системной и нормативно оформленной информации о бытии человека, общества и культуры, которая обретает статус «знания»¹. Люди, действующие и живущие в обществе, исходно воспринимают собственное положение в мире посредством опыта: этот опыт выступает не как их собственный, но как «интерсубъективный». Качество «интерсубъективности» в данном контексте предполагает, что миры природы и культуры являются общими для всех людей (как актуально, так и потенциально). Общность же и доступность человеческих миров каждому из индивидов обусловлена их взаимной коммуникацией и присутствием универсального языка социального описания.

Исчерпывающее отображение социальной реальности посредством ее категориального структурирования и организации — трудно осуществимая проблема. Модель классической науки трактует социальную реальность как изначальную данность, то есть в качестве *объекта*. Задачи, связанные с экспликациями интерсубъективности, алгоритмов социального взаимодействия, межличностной и межгрупповой коммуникации, а также особенностей структур языка, выносятся классическими схема-

¹ Абушенко В.Л. Знание // Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. Мн., 2003.

ми за рамки соответствующих проблематизаций, выступая в роли в целом не проясненных оснований «социальной теории» (А. Шюц).

В результате перманентное историческое изменение корпуса трактовок взаимоотношений в системе «человек – культура – социальный мир», реализовавшееся в XX в. в процедурах «антропологического», «лингвистического» и «коммуникационного» «поворотов» в социальной философии, неизменно сопровождается достаточно радикальными корректировками наличных моделей «социальной реальности».

2. В начальных фрагментах своего компендиума языковых игр с понятиями и неожиданными метафорами, получившего название «Философские исследования», Л. Витгенштейн уподобил язык устройству города: «Тебя не должно смущать, что языки [изобретенные для достижения дидактических целей] состоят только из приказов. Если ты хочешь сказать, что именно поэтому они неполны, то спроси себя, полон ли наш язык; был ли он полон до того, как мы ввели в него химическую символику и обозначения для исчисления бесконечно малых; ведь они как бы пригороды нашего языка. (И с какого числа домов или улиц город начинает быть городом?) Наш язык можно рассматривать как старинный город: лабиринт маленьких улочек и площадей, старых и новых домов, домов с пристройками разных эпох; и все это окружено множеством новых районов с прямыми улицами регулярной планировки и стандартными домами»².

В корпусе категориально-понятийных комплексов, описывающих социальную реальность, присутствуют «линейки» самых разнообразных терминов, введенные в разные исторические периоды эволюции социогуманитарных наук, а также для реализации весьма не совпадающих методологических и познавательных исследовательских программ, осуществляемых их авторами.

В результате в рамках актуального «категориального портрета» социальной реальности на любом этапе ее отображения и фиксации заметно присутствие значительного числа принципиально не стыкующихся между собой совокупностей понятий и подходов. Так, социология (как способ мышления, коммуникации и действия) не может иметь своего исчерпывающего определения, предполагая вариативность собственного понимания и интерпретации в зависимости от артикулируемых теоретических и методологических парадигмальных позиций-перспектив и реализуемых исследовательских стратегий. Содержательная конкретизация понятия «общество» осуществляется здесь через его развертывание в

² Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: Пер. с англ. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994. С. 86.

три конституирующие общество (в своем соотношении) рамки: а) социума, б) личности, в) культуры. Акцент на одной из них (с удержанием понятия «общества» как такового) позволяет смещать ракурс рассмотрения в сторону «социологичности», «антропологичности» или «культурологичности». В этом плане собственно социология размещает в «пустом» пространстве (устанавливаемом взаимоотношением рамок системы «социум – личность – культура») ряд категорий-реализаций «социальности», репрезентирующих определенную картину социального мира. Тем самым задаются возможные метатеоретические ракурсы описания общества (шире – самоописания культуры в терминах «социальности» и «социальной теории»), претендующие на продуцирование методологии социально-гуманитарного познания в целом.

Так, базовой для большинства версий социологии категорией-реализацией выступает «социальное взаимодействие», специфицируемое в своей универсальности в концепциях «социального действия». Также в качестве исходных концептуализаций в социологии выступают еще как минимум две: а) «социальная структура» – «стратификация», б) «социальная организация» – «институционализация», порождаемые и, в свою очередь, порождающие (легитимирующие) определенные социальные взаимодействия. В связи с «феноменологическим поворотом» в социологии была конституирована в качестве универсализируемой в различных дискурсах категориальная проблематика «мира повседневности», «повседневной жизни людей», так или иначе соотносимая с организационно-структурным уровнем анализа социума³.

Та или иная категоризация социальной реальности являет собой результат неоднородной и нелинейной смены социально-философских и социологических мод, приводящей к определенной дисгармонии даже в основополагающих исследовательских парадигмах.

3. Предложение различных подходов для конструирования обновленных моделей «социальной реальности» как перспективных терминологически-познавательных инструментариев неизменно сталкивается (в частности, в отечественных условиях) с достаточно жесткой сложившейся и «узаконенной» иерархией категорий и понятий социальных дисциплин.

Так, на протяжении середины – второй половины XX в. возник ряд социологических теорий, ориентированных на преодоление дюркгеймовской доктрины принудительных по отношению к индивиду «социальных фактов». Тем не менее, традиционно принятый подход, ориентированный на «пирамидальную» (фундированную «социологизмом», призывающим

³ Абушенко В.Л. Социология // Социология: Энциклопедия. Мн., 2003. С. 1002.

объяснять «социальное социальным»), а не на «сетевую» организацию корпуса социологии как особой «совокупности познавательных практик»⁴, сохраняет свое влияние. Согласно принципиальному и показательному тезису, изложенному в ряде знаковых текстов Ж. Тощенко, понятийный аппарат социологической науки «плывет» отчасти и потому, что исследователи отвыкли думать над исходной точкой анализа — теоретической и методологической базой. Социологи в своем большинстве то ли лукавят, то ли не придают значения, то ли игнорируют данную проблему, но результат теоретических и прикладных разработок удручающ: он демонстрирует одну и ту же удивительную и парадоксальную картину — часть использует категории и понятия, вторые — признают только категории, третьи — только понятия, а четвертые — вообще обходятся без тех и других, предпочитая оперировать эмпирической информацией, не задаваясь вопросом о смысле и субординации употребляемых ими суждений и умозаключений⁵.

4. Социальная реальность — как продемонстрировал еще У. Томас⁶ — содержит в себе определенный «пласт» верований и убеждений, которые, будучи наделяемы набором «объективных» характеристик самими участниками общественных взаимодействий, оказываются вполне «освязаемо-реальны», но при этом не поддаются чувственному наблюдению. Тем самым некие идеальные, духовные элементы — существуя исключительно в сознании и коммуникации соответствующего сообщества индивидов — могут и должны истолковываться и интерпретироваться как существующие и проявляющиеся «здесь и сейчас».

В рамках такого подхода главным моментом социальной реальности оказывается взаимодействие индивидов. Причем сами они рассматриваются в качестве общественных существ, обладающих способностью к символическому производству. Любая социальная реальность тем самым представляет собой пространство символов, где главным для субъекта оказывается значение, придаваемое соответствующим предметам, действиям и отношениям. Общество с этой точки зрения есть социальное пространство, в котором члены общества взаимодействуют на основе создаваемых и воспринимаемых ими символических значений. Сами эти символы — лишь фрагменты сложной картины мира, в которых выражена социальная сущность человека, его способность руководствоваться в своем поведении общественно-значимыми ценностями.

⁴ Там же. С. 1001.

⁵ Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // Социологические исследования. 2002. № 9; Тощенко Ж.Т. Социология. 3-е издание. М., 2005.

⁶ Thomas W.I. Social Behavior and Personality / Ed. by E.H. Volkart. N.Y., 1951.

Свойство идеальных по природе своей мыслей, оценок, чувств, установок и т.п. человека формировать значимый компонент социальной реальности – одна из базовых особенностей последней, очевидно снижающая «исследовательский градус» ее транспарентности.

5. Социальная реальность, по мысли А. Шюца, должна истолковываться иначе, чем, даже – более того – противоположно подходу Э. Дюркгейма: «Наблюдаемое социальным исследователем поле, именуемое социальной реальностью, обладает специфическим значением и структурой для живущих, действующих и мыслящих индивидов. Последовательно толкуя социальную реальность на уровне обыденного сознания, они как бы предварительно избирают и объясняют свой мир, который затем воспринимают как реальность повседневной жизни. Именно объекты мышления детерминируют поведение путем его мотивации. Модели объектов мышления, создаваемые исследователем, пытающимся постичь социальную реальность, должны основываться на объектах мышления, создаваемых в обыденном сознании людей, живущих повседневной жизнью в своем социуме. Таким образом, конструкции социальных наук являются, так сказать, конструкциями «второго уровня», то есть конструкциями конструкций, создаваемых актерами социальной сцены»⁷.

По мысли Шюца, термин «социальная реальность» вообще имеет отношение лишь к весьма узкому спектру социального мира: постулат чувственного наблюдения публичного человеческого поведения берет в качестве базовой модели те ситуации, в которых «действующий» дан «наблюдателю» в так называемых отношениях «лицом к лицу». Предполагается, что с помощью обыденного мышления повседневной жизни люди обретают знание об измерениях того социального мира, в котором они живут. Но этому знанию, по Шюцу, присущ как фрагментарный характер (поскольку оно ограничено сравнительно небольшим сектором социального мира), так и часто различные степени ясности и отчетливости. Знание о социальной реальности оказывается, таким образом, специализировано посредством множества процедур его «социализации».

Общим теоретико-познавательным качеством социальной реальности выступает тем самым ее атрибутивная «непрозрачность», которая может быть реконструирована лишь частично и только с помощью постоянно обновляемых научных методов.

6. В рамках реалистских концепций социальной реальности, дополняемых идеями и подходами критической социальной теории (У. Аут-

⁷ Schutz A. Collected Papers. Vol. 1: The Problem of Social Reality. The Hague, 1962. P. 59.

вейт⁸), постулируется, что социальные явления концептуально зависят от способов, какими они интерпретируются включенными в них людьми и внешними наблюдателями. Понятия общественных дисциплин должны поэтому иметь вещественную связь с теориями акторов – действующих субъектов в «жизненном мире». Эти дисциплины не столько сообщают новое знание, сколько предоставляют более адекватные формулировки наших соображениям относительно общественных феноменов. Более того, согласно модели Аутвейта, элементарные структуры общества не просто подвергаются тем самым определенной интерпретации, но они сами суть не что иное как интерпретация, совокупность символов, за которой кроется мир действенных вещей и мир действователей.

По мысли Аутвейта, главной проблемой категоризации социальной реальности является то, что ее исследователи должны избегать ловушки, обозначенной А.Н. Уайтхедом как «ошибка смещенной конкретности»⁹. Так, социальный класс (например, французскую мелкую буржуазию) нельзя наблюдать непосредственно потому, что диапазон этого понятия не задан точно, как бы социологи ни старались конкретизировать его. «Французская мелкая буржуазия» – это термин теории, введенный, потому что он позволяет значимым с причинной точки зрения образом отделить множество людей, имеющих определенные и отличные от других условия жизни, от членов других классов. В социальных науках сущности, схватываемые основными понятиями, не являются наблюдаемыми: эти понятия с необходимостью теоретичны. Однако они теоретичны еще и в другом, более важном, смысле: схватываемые ими сущности являются сущностями второго порядка. Это те структуры, которые управляют человеческой деятельностью и, в свою очередь, воспроизводятся действиями людей. Неоспоримый «сухой остаток» истин социологического индивидуализма, по Аутвейту, состоит в том, что конечными объектами изучения в социальных науках являются индивиды и их действия.

Теории социальных наук в таком контексте – это попытки описать и объяснить реальность, существующую независимо от них: их успешность и определяет оценку теории. Истинные теории утверждают именно то, что имеет место на самом деле. Реализм относительно сущностей просто утверждает, что некоторая вещь (вещи) существует (-ют). В большинстве случаев оба реализма принимаются одновременно: теории утверждают

⁸ Аутвейт У. Законы и объяснения в социологии // *Девятко И.Ф.* Модели объяснения и логика социологического исследования. (Библиотека серии «Специализированные курсы в социологическом образовании».) М., 1996.

⁹ Абушенко В.Л. Уайтхед // *История философии: Энциклопедия.* Мн., 2002. С. 1120.

или предполагают существование объектов. И наоборот, многие объекты известны только из одной или нескольких теорий. Сущности, обозначаемые объяснительными понятиями социальных наук («класс», «идеология», «эксплуатация», «социальная структура» и т.п.) не имеют никакого прямого референта вне зависимости от теорий или теории, использующих эти термины.

Особенность социальной теории в аспекте ее установки на постижение и отображение социальной реальности заключается, таким образом, в том, что она непосредственно связана с обыденными, основанными на здравом смысле теориями, — в большей степени, нежели теоретизирование в естественных науках. Понятия социальной теории, следовательно, теоретичны в этом контексте на двух уровнях: во-первых, подобно понятиям естественных наук, на уровне научной практики, и, во-вторых, на уровне собственных теорий деятелей относительно того, что они делают.

В конечном счете, различие теоретических категорий и терминов, понятий, сущностей эмпирического порядка служит важной особенностью эмпирических истолкований социальной реальности. С точки зрения социологического реализма, эмпиризм ошибается, пытаясь найти «чистый язык» наблюдения и вынося за рамки научной легитимности все ненаблюдаемые, «теоретические» сущности. Но, согласно Аутвейту, принятие реалистской философии науки не подразумевает реализма относительно любой конкретной сущности внутри науки. И в социальных науках реалистская концепция теории должна принять во внимание особый способ существования социальных фактов, их онтологическую зависимость от человеческих действий и от представлений людей о том, как они действуют.

По мысли Аутвейта, реалистская концепция социальной теории и терминологии описания социальной реальности не может и не должна опираться на прямолинейный реализм, касающийся определенных сущностей. Она должна основываться на тех возможностях объяснения, которые присущи самим теориям.

7. Особой характеристикой ряда современных подходов к постижению социальной реальности выступает пафосный постмодернистский скептицизм относительно способности человека к наблюдению и истолкованию внешнего мира — особенно мира человеческого. Обусловлен данный скепсис одним из основополагающих тезисов постмодернистской философии и социологии — идеей о приоритете языка над опытом. Согласно последней, языковой инструментарий отнюдь не является отображением реальности, а, напротив, определяет наши представления о ней. Объективный метод, находящийся вне текста, согласно этому под-

ходу, принципиально не возможен, ибо существует лишь интерпретационная точка отсчета, сформированная из лингвистических ресурсов, доступных толкователю.

Так, по мысли Ж. Бодрийяра, «так называемые *социальные науки* были призваны закрепить впечатление, что социальность вечна. Но сегодня от него надо освободиться»¹⁰. Он сформулировал три взаимосвязанных положения относительно социального и природы социальной реальности¹¹.

А). *В своей сущности социальное никогда не существовало.* Имела место лишь его симуляция, сменившаяся сегодня катастрофической десимуляцией. Действительной сущностью социального является символическое: социальные отношения с их функциональной интеграцией есть продукты дезинтеграции символического обмена. Будучи производным от символического, социальное, коль скоро забывается его производность, уже имеет симуляционный характер. Поэтому говорить о социальном как о какой-то самостоятельной реальности означает, согласно Бодрийяру, «гипостазировать симулякр».

Б). *Социальность все же существовала и существует, более того, она постоянно нарастает.* Социальное может трактоваться как всевозрастающий остаток прогрессивного развития человечества. В остаток превращается вся ставшая целостной социальная система. У социального две обязанности: производить остаток (любой: демографический, экономический или лингвистический) и тут же его уничтожать (ликвидировать, акцентированно бесполезно потреблять: например, организацией полетов на Луну и т.п.).

В). *Социальное, безусловно, существовало в полной мере, но сейчас его больше нет.*

У социального больше не оказывается наименования: став всеобъемлющим, оно обращается в анонимные «массы». Массы – не новая социологическая реальность; неопределенность является их основным определением. Массы не являются потенциальностью, которая когда-то разрешится в действии, их сила всецело актуальна: они суть всемогущество инерции, поглощения и нейтрализации. У самых фундаментальных политических знаков – «народ», «класс», «пролетариат» – не оказывается социального референта. Ведь сами по себе массы представляют собой лишь мнимый референт политического: на любой запрос или призыв они реагируют молчанием или же отвечают тавтологическим образом. «Молчаливые большинства» в принципе не могут иметь какой-либо репрезен-

¹⁰ Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. Мн., 2008. С. 199.

¹¹ Там же. С. 200-205.

тации: массы не позволяют никому выступать от их имени и, сворачивая политическое пространство представления, знаменуют гибель власти. Прежде бесконечно открытый горизонт роста и расширения, горизонт социального реального замыкается на самом себе, поскольку пройден полный цикл эволюции. «Схлопывание», «уплощение» является последним эпизодом в истории системы эксплозии и контролируемого расширения, господствующей на Западе на протяжении последних нескольких столетий¹².

Цивилизации модерна строились под знаком универсализации рынка, экономических и интеллектуальных ценностей, универсальности закона и завоеваний. Но когда этот экспансивный процесс насытил поле возможного расширения, он тем самым пришел к своему завершению, и «схлопывание» начало опустошать универсум социального реального.

По Бодрийяру, социальные феномены обладают вполне реальным существованием, но лишь постольку, поскольку они подчинены своего рода «имманентной телеологии», которая являет собой переменную величину. Восприятие общественной жизнедеятельности в эволюционной перспективе (перехода от «общности» к «обществу», от механической к органической солидарности, от отношений личной зависимости людей к отношениям вещной зависимости и т.п.) оказалось «наивной предпосылкой» социальной теории эпохи «модерна». В рамках же «постмодернизма» бодрийяровской модели социальной реальности самоликвидируется классическая организация социальной теории вообще. Собственно социология существует, по его убеждению, лишь благодаря безоговорочному допущению социального и оказывается в состоянии лишь следовать за его «постигающей экспансией».

Бодрийяр отмечал: «Пусть, однако, ностальгии по социальности предаются приверженцы удивительной по своей наивности социальной и социалистической мысли. Это они умудрились объявить универсальной и возвести в ранг идеала прозрачности столь неясную и противоречивую, более того, остаточную и воображаемую, и более того, упраздняемую своей собственной симуляцией *реальность*, какой является *социальное*»¹³.

Радикальное движение в этом интеллектуальном направлении приводит к обоснованию вывода об уникальном характере социальной реальности для каждого отдельного человека. В этом случае социальная реальность – жизненный мир самой личности, способ восприятия ею своего собственного жизненного опыта (В.М. Воронков).

¹² Там же. С. 205.

¹³ Там же. С. 207-208.

8. Особое место в типологии трактовок социальной реальности в отечественной социологии занимает подход, предложенный П. Бурдьё и его российскими последователями¹⁴. Исходный момент этой теоретической конструкции составляет понятие «социального пространства», истолковываемое как совокупность реальных различий и различений (последние закрепляют соответствующие дистинкции в общественном сознании). Именно через такого рода признаваемые и одновременно реально существующие различия и образуются социальные отношения как определяющий момент социальной реальности. Вместе с тем социальные различия не просто существуют — они производятся и воспроизводятся в социальном пространстве благодаря воспроизводству социальных позиций. Сам же процесс воспроизводства социальных позиций (существования социальных групп) возможен лишь в результате того, что в действие включаются определенные практики — капиталы, подразделяющиеся на три разновидности: политический, экономический и культурный капитал.

9. Основной формат современных отечественных исследований в плане постижения социальной реальности и ее природы возможно зафиксировать в ходе осмысления позиций А.Г. Здравомыслова¹⁵, А.Ф. Филиппова¹⁶ и Ю.М. Резника¹⁷.

Социология в контексте возможных квалификаций ею социальной реальности понимается как «коммуникация в обществе и об обществе»¹⁸. Расширяющееся же эмпирическое поле социологии трактуется как социальная реальность в том смысле слова, который проистекает из противопоставления фактов и теории. Факты рассматриваются здесь как нечто твердое и основательное, теоретические же конструкции, даже опирающиеся «на всю совокупность фактов», рассматриваются в качестве допускающих некоторый произвол: «факты» — это фундамент социального знания, теории же скорее ассоциируются с многообразием надстраиваемых конструкций. Постигание же социальной реальности в ее национальных спецификациях трактуется как важнейшая задача со-

¹⁴ Качанов Ю.Л., Шматко Н.А. Как возможна социальная группа? (К проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. 1996. № 12.

¹⁵ Здравомыслов А.Г. Теории социальной реальности в российской социологии // Социология российского кризиса. М., 1999.

¹⁶ Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1-2.

¹⁷ Резник Ю.М. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том 1. Вып. 1. М., 2007.

¹⁸ Филиппов А.Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1-2.

циологического знания в настоящем и прошлом: лишь в рамках разрешения этой задачи «каждая из национальных школ социологии сумела в прошлом перешагнуть границы собственной страны и предложить социологии в целом — как области всеобщего знания — определенные элементы универсалистского понимания социальной реальности, весьма существенные для анализа конкретной ситуации в той или иной стране»¹⁹.

Центральная проблема постижения природы социальной реальности в формате оформления собственной модели теоретической социологии обозначена А. Филипповым так: «Каким образом можно пользоваться теоретическим инструментарием, не перенимая в свои построения чуждых образов социальности. Решением же может быть только создание собственной теоретической социологии, в том числе и как комплекса амбициозных концепций»²⁰.

Обращая особое внимание на парадигмальную «растяжку» «объективизм — конструктивизм», Филиппов отмечает, что обе методологические установки в российской социологии «совершенно не отрефлексированы. Обе ориентации препятствуют теоретическому исследованию, т.к. в одном случае достаточно указать на фундаментальные закономерности или структуры, а в другом — на реальный или предполагаемый эффект преобразующей деятельности. В обоих случаях нет нужды изучать действительно сложные взаимосвязи, пеструю, переливчатую социальность, полную случайностей, загадочных символов, возможностей неоднозначного решения проблем»²¹. Напряжение возникает в формате данного противопоставления приведенной исследовательской парадигмы между установкой объективизма, настаивающего на выяснении общих закономерностей (вписывание российской ситуации в ход мировой истории) и пафосом конструктивизма, предлагающего проанализировать способ возникновения этой ситуации через анализ последовательности конкретных событий, созидающих новую ткань общественных отношений.

В целом, предлагается — применительно к потребностям современной отечественной ситуации — сделать исследовательский акцент осмысления «социальной реальности» в духе идей К. Гирца²²: «Мы делаем выбор в пользу плотного описания уникальной социальной реальности (в

¹⁹ *Здравомыслов А.Г.* Теории социальной реальности в российской социологии // Социология российского кризиса. М., 1999.

²⁰ *Филиппов А.Ф.* О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1-2. С. 24.

²¹ Там же. С. 23.

²² *Geertz C.* Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture // *Geertz C.* The Interpretation of Cultures. London, 1993.

том смысле, как это сформулировал Гирц), нагруженного теорией, специально разрабатываемой для потребностей научного объяснения»²³. Это своего рода программный тезис, обладающий высоким потенциалом корпоративного консенсуса²⁴, центральным понятием которого выступает «уникальная социальная реальность».

Принятие такого тезиса делает возможным принципиальное преодоление малопродуктивного монизма социальной теории. Предлагается идея о перспективности признания продуктивности теоретического плюрализма и в социологической теории, который прежде всего есть результат фиксации «многослойности», «мозаичности» социальной реальности. Обусловлено такое ее качество рядом оснований и предпосылок²⁵.

А. Каждое новое состояние общества сохраняет в себе так или иначе прежние свои состояния с их интересами, ценностными установками, символическими рядами (но не мотивацией). Так, «...различные ступени и интересы никогда не преодолеваются полностью, а лишь подчиняются побеждающему интересу, продолжая на протяжении веков влечь свое существование рядом с ними. Отсюда следует, что даже в рамках одной и той же нации индивиды, если даже отвлечься от имущественных отношений, прodelывают совершенно различное развитие и что более ранний интерес... еще долго продолжает по традиции обладать властью...»²⁶.

Б. Многозначность социальной реальности — вычленение в ее составе и конструкции собственного смысла и значения каждым действующим субъектом. Социальность нагружена смыслами, которые субъект воспринимает в качестве оснований действия. Изменение социальной реальности, с этой точки зрения, есть изменение содержания смыслообразующих понятий.

В. Наличие социологических традиций в самом теоретическом мышлении, которые могли быть на определенных этапах взаимоисключающими, а стали взаимодополняющими.

Так, по убеждению А. Здравомыслова²⁷, формула исторического материализма как специфической социологической модели «общественное

²³ Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1-2. С. 36.

²⁴ Здравомыслов А. Г. Теории социальной реальности в российской социологии // Социология российского кризиса. М., 1999.

²⁵ Там же.

²⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах: Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. М., 1979. Т. 1. С. 65.

²⁷ Здравомыслов А. Г. Теории социальной реальности в российской социологии // Социология российского кризиса. М., 1999.

бытие определяет общественное сознание» (Маркс) имеет в виду исторический взгляд на жизнь общества как некую целостность. Здесь вычленяется именно общественное (надындивидуальное) бытие, не сводящееся к простой сумме индивидуальных историй и существований, и выражен системный взгляд на социальность. Модель же, согласно которой «если люди воспринимают некоторую ситуацию в качестве реальной, то она будет реальной и по своим последствиям» (Томас²⁸) имеет в виду конкретных индивидов, действия которых оказываются производными от оценки их собственной ситуации, от ее восприятия. Здесь сознание (оценка ситуации) порождает действие, вплетающееся в «бытие» (что фундирует подход символического интеракционизма). Действование этих индивидов само представляет собою социальную реальность, но – кроме того – оно должно рассматриваться и как средство изменения ситуации и ее конструирования.

Детальная проработка первой (истматовской) социологической традиции связана с описанием общества через структурные категории различного типа – классы, слои, страты. Наличие этих дифференцирующих категорий в обществе есть социальная реальность, которая оборачивается каждому индивиду совокупностью предуготованных социальных ролей, в рамках которых с известной долей вероятности будет реализована его биография.

Во втором варианте социологической традиции социальная реальность будет в большей мере связана с нормативно-ценностными структурами, и, следовательно, в контексте отношений «общество – индивид» будет подчеркнута не идея предоставляемых социально-ролевых «ниш», а идея смыслов-значений, которые станут составляющими конструирования и интерпретации собственного жизненного положения и личной биографии.

Наиболее перспективным – магистральным – направлением осмысления социальной реальности (способным при известных условиях обрести парадигмальный статус) видится подход, предполагающий синергетическое постижение социальной реальности вкупе с построением социальной теории. Согласно такой позиции, «социальная теория сегодня – это особый стиль теоретизирования и познания социальной реальности, совмещающий в себе философские выводы и общие положения социально-научных дисциплин. Такое социальное конструирование реальности уже не возможно без учета всего контекста жизни и деятельности самого ученого. Это теория о том, как исследователь конструирует соци-

²⁸ *Thomas W.I. Social Behavior and Personality / Ed. by E.H. Volkart. N.Y., 1951. P. 81.*

альную реальность не с помощью внешнего и отстраненного наблюдателя, а присутствуя («живя») в ней постоянно. Напротив, его теоретическое существование есть момент самопрезентирующей экзистенции, полагающей себя вовне в качестве субъекта»²⁹.

Данная теоретическая схема выглядит весьма продуктивной и потенциально совмещающей достоинства всех обозначенных выше подходов. Обусловлено это следующими ее особенностями, образующими – в пределе – исчерпывающую совокупность перспективных исследовательских стратегий.

1. Трактовка творимой определенным субъектом «социальной теории» как «стиля теоретизирования и познания» социальной реальности, с одной стороны, и инструмента ее «социального конструирования», с другой, совмещает в себе:

а) гармоничную интеграцию классического подхода, постулирующего активную, миропостигающую функцию познающего субъекта, с положением философской неклассики/постнеклассики³⁰, согласно которому «рефлексия над социальным объектом изменяет сам этот объект» (что созвучно идее Э. Гидденса о необходимости переосмысления дуализма социального субъекта и объекта как дуальности (двуединства)³¹;

б) продуктивное разграничение понятий «социальная реальность» и «общество», «социальное», предполагающее, что эти понятия соотносятся как собственно яблоко – с яблоком, изображаемым Сезанном на своих полотнах³².

2. Установка на «совмещение» «философских выводов» и «общих положений социально-научных дисциплин» исходит из подчеркнуто междисциплинарного статуса социальной теории, являющей собой «органический синтез социально-философского учения об обществе и теоретического ядра общих социальных дисциплин, изучающих различные стороны жизнедеятельности людей в обществе»³³.

3. Требование «учета контекста жизни и деятельности» ученого, исследующего социальную реальность, ориентировано на аппликацию к

²⁹ Резник Ю.М. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том 1. Вып. 1. М., 2007. С. 309.

³⁰ Румянцева Т.Г. Классика – Неклассика – Постнеклассика // Новейший философский словарь. Постмодернизм / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Мн., 2007.

³¹ Современная западная теоретическая социология. Выпуск 3. Энтони Гидденс: Реф. сборник. М., 1995. С. 43.

³² Образ, в свое время обыгранный М. Мамардашвили.

³³ Резник Ю.М. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус // Вопросы социальной теории: Научный альманах. 2007. Том 1. Вып. 1. М., 2007. С. 317.

процедурам ее постижения идеалов постнеклассической рациональности, исходящих из принципиальной «соотнесенности знаний об объекте с ценностно-целевыми структурами деятельности», а также с «социальными целями и ценностями»³⁴.

4. Истолкование «теоретического существования» как «момента саморепрезентирующей экзистенции, полагающей себя вовне в качестве субъекта» позволяет осуществить корректное и всеобъемлющее диалектическое «снятие» следующих актуальных социально-философских и социально-теоретических программ:

А) пафосной проблематизации «археологии знания», разработанной М. Фуко и констатирующей, что ни сознание (в своем «подсознательном»), ни мир (в своей социокультурности) «не прозрачны», они сокрыты в исторических дискурсивных практиках, выявить исходные основания которых и есть задача соответствующей дисциплины и метода³⁵;

Б) стремления социальной теории избавиться в анализе от всякой антропологической зависимости, но вместе с тем сохранения в ее рамках установки на обнаружение и понимание принципов формирования такой зависимости;

В) стратегии формирования нового языка (равно как и нового отношения к языку), связанного с радикальным отказом от однозначной сопряженности языковой реальности с определенным и стабильным тезаурусом культурной традиции, задающей языковым феноменам внеязыковую размерность. При этом имплицитность данной процедуры, как правило, приводит к тому, что содержание культурной традиции получает возможность претендовать на статус «естественного» условия дискурса.

Осуществление представителями отечественной социальной философии и социальной теории обозначенного концептуального синтеза в ходе конструирования оснований собственных исследований – достаточно важная задача. Ее статус обусловлен тем, что именно такой подход позволит не только адекватно осмысливать социальную реальность современной России, но и обогатить арсенал мировой социологии набором вполне креативных социологических технологий.

³⁴ *Степин В.С.* Наука // Всемирная энциклопедия. Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. М., 2001. С. 674.

³⁵ *Грицанов А.А., Абушенко В.Л.* Фуко. Мн., 2008. С. 143.